

НАША СТРАНА

SEMANARIO

Editor-Director:

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Correo
Argentino
Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 377233

TARIFA REDUCIDA
Concesión N° 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 26 de abril de 1952

• Буэнос Айрес, суббота, 26-го апреля 1952 г.

No. 119

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ЕЩЕ О ФЕВРАЛЕ

Ген. А. Спиридович, бывший начальник секретной охраны Императора Николая Второго, сделал в Нью-Йорке доклад на тему о Февральской революции. В "Новом Русском Слове" помещен отчет об этом докладе — привожу его полностью.

"Государя докладчик считает личностью с высокими моральными качествами. Александра Федоровна была женщиной неуравновешенной и больной. Распутинство было нездоровое явление, насквозь пропитавшее своим тлетворным духом атмосферу двора. Большинство царских министров того времени являло собою скопище бездарностей и карьеристов. Революцию вызвали три фактора: заговор Александра Гучкова, английские интриги против династии и германский шпионаж.

Александр Коновалов, Михаил Челноков, князь Львов, Бубликов и А. Гучков подготовили дворцовый переворот. Душой заговора был А. И. Гучков, шедший в своих планах далеко, вплоть до царевубийства. Переворот должен был совершиться в ноябре 1916 года. Речь П. Н. Милокова 1-го ноября в Государственной Думе должна была послужить сигналом к действиям. Исторические слова Милокова "глупость или измена", произнесенные с думской трибуны по адресу двора потрясли страну. Пуришкевич кипами развозил в своем поезде эту речь и распространял на фронте. Речь эта послужила также и основным мотивом, побудившим князя Юсупова, в сообществе с Вел. Кн. Дмитрием Павловичем и Пуришкевичем покончить с Распутиным. Заговор не был секретом ни для царя, ни для его ближайшего окружения.

Первого января 1917 года, А. И. Хатисов, бывший городской голова Тифлиса, предложил от имени заговорщиков трон Вел. Кн. Николаю Николаевичу. Великий Князь, тогда главнокомандующий на Кавказе после нескольких дней раздумья отказался.

Английский посол Бьюкенен был освещен о планах "московской пятерки заговорщиков" и всемерно ей содействовал.

Немцы планомерно и систематически разлагали тыл.

Клевета, ложь и легенда по адресу монарха и государыни — служили действенным оружием в руках врагов династии. Только профессиональные революционеры не принимали участия в этой кампании наветов и интриг.

Безвластие, растерянность и преступное равнодушие определяют настроение власти. Позорная, хотя и кратковременная, эпопея протопоповщины окончательно расшатывает устои насквозь прогнившего режима. Только армия хранит еще верность монарху и былую мощь.

22 февраля государь уезжает в ставку. Его приказ ввести для охраны столицы два конно-гвардейских полка не может быть выполнен. Генералу Хабалову, командующему Петроградским округом, не куда эти части разместить.

24 февраля начались беспорядки в Кронштадте, во время которых был убит адмирал Вирен — по указанию немцев. У убийц находят списки с именами лиц, которых нужно ликвидировать. Во всем незримая рука германского шпионажа. В тот же день объявляют забастовку 170.000 человек, работавших на оборону. Начинается братание солдат с народом. 25 февраля Государь отдает приказ Хабалову по телеграфу: "повелеваю завтра прекратить беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией". Но уже поздно.

27 февраля обнародован указ о роспуске Думы. Образуется временный комитет Государственной Думы. В здании Таврического дворца самочинно создается совет рабочих депутатов. Туда же собираются освобожденные из тюрьмы члены рабочей группы военно-промышленного комитета.

Толпа осаждает казармы. Начинает убивать офицеров. Погромная прокламация с призывом к избиванию офицеров задержана Керенским. Он один умел говорить с толпой, в нем единственном искали спасения от хаоса.

— Керенский самочинно, — уверяет докладчик, — взял пост министра юстиции. Возьми этот пост Маклаков, не миновать бы погрому... Хабалов окончательно растерялся. Не знал, что и как делать. Вместо того, чтобы овладеть Таврическим дворцом, он занялся разработкой диспозиции по охране Зимнего дворца, на который никто не покушался.

Военный министр Беляев послал 29 февраля телеграмму генералу Алексееву о сдаче оружия остатками верных правительству войск. Парское правительство во главе с Голицыным само себя уничтожило: 28 февраля его уже не было.

Революция восторжествовала".

Как видит читатель, общая оценка февральских событий, данная ген. А. И. Спиридовичем, почти полностью совпадает с моей серией статей о "Фальшивке Февраля". Само собою разумеется, что ген. А. И. Спиридович располагает более полными данными, чем мог располагать я, и что события февраля 1917 года он знает лучше меня. Несколько неясно — в какой именно степени автор отчета — Илья Троцкий — смягчил или выпятил отдельные пункты доклада, который длился два с половиной часа и, конечно, не мог быть передан стенографически. Редакция газеты снабдила этот доклад оригинальным заголовком: "Оправдание Февраля". Остается совершенно неясным — в какой именно степени бездарность, трусость, измена, клевета и предательство является о п р а в д а н и е м чего бы то ни было и, в особенности, такого события, которое стало началом всероссийской, а теперь, может быть, и мировой катастрофы. По совершенно такой же схеме можно "оправдать" и Октябрь: А. Керенский был, де, настолько плох, что туда ему и дорога. Но ведь и нам всем — тоже?

Таким образом, если не учитывать неизбежных сокращений отчета, то ген. А. И. Спиридовичу можно было бы задать следующие вопросы:

1. "Коновалов, Челноков, Львов, Бубликов и Гучков подготовили дворцовый переворот". — Но так как ни один из этих людей не имел ни какого доступа ни ко Двору, ни к Ставке, то спрашивается, кто, — во Дворце и в Ставке, мог реализовать планы и указания заговорщиков?

2. Какими техническими и средствами располагало или могло располагать английское посольство для "содействия заговорщикам"?

3. Какую именно роль играло военное командование, без участия которого никакие планы, ни гучковские, ни английские, не могли быть реализованы ни в каком случае?

4. Почему петербургские генералы — Гурко, Хабалов, Балк и пр. НЕ выполнили повеления Государя Императора о выводе ненадежных частей и о присылке гвардии. Ибо совершенно очевидно, что "жилищная площадь" тут никакой роли играть не могла.

5. В чем именно выразилась "протопоповщина"? В предупреждении, слезанном А. Протопоповым Государю Императору об угрожающем положении в Петрограде?

6. Какие социальные интересы стояли за спиной тех групп, которые строили распутинскую легенду и протопоповскую легенду, которые не выполняли Высочайших повелений, которые сознательно сконцентрировали в столице горючий материал для беспорядков и, которые как то совсем уже странно "растерялись": ген. Беляев проектировал развести мосты на Неве, а ген. Хабалов — защитить Зимний Дворец, на который никто не покушался и, в котором никого не было.

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
ЕЩЕ О ФЕВРАЛЕ

Борис Ширяев
НАРОДНЫЙ МОНАРХИСТ
XIX ВЕКА

Георгий Сосунов
ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ
И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Владимир Рудинский
ЛЮБОПЫТНАЯ СТАТИСТИКА

Борис Башилов
СПОР, РЕШЕННЫЙ ЖИЗНЬЮ
(Гоголь и Белинский)
(Продолжение).

Juan Solonewitsch
TERCERA GUERRA MUNDIAL
DURARA TRES MESES

ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА
(Продолжение)

рядков и, которые как то совсем уже странно "растерялись": ген. Беляев проектировал развести мосты на Неве, а ген. Хабалов — защитить Зимний Дворец, на который никто не покушался и, в котором никого не было.

Русская аудитория была бы очень признательна ген. А. Спиридовичу, если бы он ответил на эти вопросы. А также и на вопрос о петроградском пролетариате — его национальном составе (после мобилизации военных лет) и о мотивах его выступления. Советская история говорит, что забастовки имели "экономический характер и, что только "наша партия" придала им политический оттенок.

*

Все это имеет не только историческое значение. Для Народно-Монархического Движения это является одной из основных исходных точек дальнейшей политической работы. Дело заключается в том, что верхи нашего бывшего правящего слоя, — и в Столыпинские времена, и в 1916 и в 1917 г. г., и в правительствах Белых Армий протемонстрировали свое полное и моральное и политическое разложение, предав Монархию и Россию в 1916—1917 г. г., — оппортунизм и Россию в 1918—20 г. г. Практический вывод из этой блестящей комбинации "глупости и измены", "бездарности и бесчестности, может быть только один: собираясь чтобы то ни было предлагать будущей России, мы обязаны сказать ей, что ни наследников, ни осколков, ни подоп-

ков этого слоя, ныне занимающихся "национальной" деламацией, — нельзя пускать ни к власти, ни даже на порог власти. Да почуют они в мире и в эмиграции. Ибо, если они будут допущены к власти или к участию во власти, они повторят то же, что они делали в 1916—17 или в 1918—20 г. г.: поставят интересы и психологию слоя и касты, выше национальных интересов России и продадут нас и Россию, — точно так же, как они делали это раньше.

*

Один из моих друзей пишет мне по поводу моих статей о Феврале:

"Стиль и характер твоей критики "прозлятого старого режима" зачастую приводят к мысли о том, что все было настолько безнадежно плохо, что никакой царь, даже Император Николай Второй, несмотря на тот вполне заслуженный Им ореол, которым ты Его окружаешь, не мог бы перевести страну на нормальные рельсы. Значит, что же? Нужна была революция? Тут опять "в пылу творчества" ты забываешь указать на те силы, которые могли бы быть опорой для Государя? Или ты этих сил не находишь? И тогда получается, что Царь и был и был бы бессилён сделать что либо и после войны".

Две оговорки — первая: я критикую не "режим", а "слои", — это две разные вещи. Вторая: в газетных статьях технически невозможно — в особенности в моих условиях — дать законченно отточенную формулировку. Однако, я все таки постараюсь это сделать.

В своих довоенных статьях я писал о том, что Император Николай Второй был "слишком большим джентльменом" для данной эпохи и что, по существу, в эту эпоху нужна была система Ивана Грозного.

Те "трагические противоречия русской жизни", в которых, по словам С. Ольденбурга, Император Николай Второй отдавал себе совершенно ясный отчет, могли бы быть разрешены: а) революционным путем — по системе Ивана Грозного, б) эволюционным путем — по системе Императора Николая Второго. Эволюционный путь не удался. НЕ вследствие принципиальных ошибок Государя Императора, а вследствие предательства. Это предательство можно было бы поставить в вкор Государю Императору: зачем Он не предусмотрел? С совершенно такой же степенью логичности можно было бы поставить в упрек Цезарю: зачем он не предусмотрел Брута с его кинжалом? А, вот, не предусмотрел. Оценивая личность Цезаря, мы едва ли станем снижать эту оценку из-за его "непредусмотрительности". Не очень средним человеком был и Наполеон. — кое что не предусмотрел и он. Вообще говоря, "непредусмотрительность" становится совершенно ясно после того, — как "непредусмотренное" уже совершилось.

Мой корреспондент ставит вопрос: а какие же живые силы существовали в России?

Генерал А. Спиридович перечисляет представителей московского купечества, которое, сидя в Москве, готовило двоякий переворот в Петрограде и в Ставке. В этой формулировке есть слишком много нелогового: ген. А. Спиридович, правильно указывая на роль купечества, совершенно замал-

чивает роль аристократии и генералитета. А именно эти последние, а не Гучковы и Бубликовы, имели доступ и ко Двору и к Ставке. Но, все таки, московское купечество было именно тем живым слоем, который пошел бы с властью, е с л и б ы его не оттолкнули от власти.

В. В. Розанов писал о Чернышевском: "Умное правительство надавало бы ему чинов и орденов и его "лошадина сила" пошла бы впрок России, а не во вред ей". Мысль В. В. Розанова можно приложить и к русскому купечеству вообще. С той только поправкой, что купечество, в особенности московское, помнило еще свою национальную роль в до-Петровской Москве, что новое купечество почти сплошь выросло из вчерашних крепостных и, что именно его деятельностью обуславливался тот хозяйственный рост России, которым в эмиграции хвастаются люди только т о р м о з и в ш и е этот рост. Московское купечество имело право на участие в правительстве. Ему в этом праве отказали. Оно пошло против правительства.

Однако: для того, чтобы привлечь к власти московское и другое купечество, было необходимо начисто разгромить аристократию — ибо, как и теперь в эмиграции, она делила людей на "своих" и "не своих". Уже П. А. Столыпин был "не свой", не говоря уже о С. Ю. Витте. Да же П. А. Столыпин подвергся не только политической, но и личной травле со стороны знати: "мелкопоместный". Сейчас, национально-театральная печать превозносит П. А. Столыпина и заставляет тень Распутина вести антистольпинскую политику — нельзя же сознаться в том, что П. А. Столыпина травлили именно "свои". Нужно валить на Распутина.

Московское купечество сделало ту же ошибку, которую делает мой корреспондент: оно смешало два разных понятия — "режим" и "слои". "Режим" нуждался в некоторых поправках: собор, вместо "парламента", Патриарх вместо Синода, больше самоуправления на местах, больше национальных автономий, но именно к этому — за исключением "Собора" — и вела политика Государя Императора. Однако, "слои" не гонимы и не кудла. Его нужно было ломать, его нужно было замечать. Предчувствуя свое дальнейшее осуждение — слой пошел на предательство.

В деятельности П. А. Столыпина прочла мало замеченой одна сторона дела: вытеснение новы х людей. Правда, и это вытеснение было жестоко ограничено "неписанной конституцией" — "слои" держался крепко и "не своих" старался не вытеснить или ставить им все палки в колеса! А. И. Гучков был бы наилучшим преемником П. А. Столыпина. Но без разгона знати — он был невозможен. Разгон знати означал ломку всего аппарата власти и Империи — почти по Грозному.

Дальше: гомичо купечества была русская интеллигенция, которая во всех областях человеческого творчества дала мировые имена — но которой хоту тоже не было. Самый наглядный пример: было учреждено министерство воздухоплавания, министерством был назначен такой то звалившийся генерал Коранго. Не учтите ли было бы назначить И. И. Сикорского? Но это вызвало бы первую революцию. Был учрежден пост "главнонаблюда-

щего за физическим развитием" — на этот пост назначили генерала Воейкова, который не понимал в этом абсолютно ничего, и не назначили А. Чаплинского, который был и знатком и энтузиастом. Но А. Чаплинский тоже вызвал бы "революцию". Слой стоял п л о т н о й стеной.

Мой корреспондент задает вопрос, который мог бы показаться действительно трагическим: а где же были "живые силы" страны? Везде, где угодно и сколько угодно — везде, кроме администрации и, в особенности, армии. Живые силы были в литературе и живописи, в биологии и химии, в технике и промышленности — были везде и были в о г р о м н о м количестве. Кроме того, у нас был тип промышленных деятелей, каких нигде больше в мире не было: дельцы-идеалисты, вот, вроде Потанина или Верещагина (брат художника). Люди, которые строили и промышленность и хозяйство, совершенно не интересуясь личной прибылью. Почему можно предположить, чтобы русский народ, так одаренный вообще, а в государственном отношении, в особенности, был бы начисто лишен государственно-строительных "живых сил"? Они б ы л и. Но ходу им не было. Еще бы десять-двадцать лет без заговоров и революций — эти люди все равно пробились бы к власти. Но им и ходу не было, да и они сами часто не хотели идти. Когда издателю "Нового Времени" А. С. Суворину было неофициально предложено место в Государственном Совете, он отказался неотрез: принять это предложение значило бы погубить газету: марка Государственного Совета не делала чести никому.

Все эти деятели оставались вне власти, вне участия во власти и над каждым из них сидел какой то, прости Господи, губернаторское как окончивший кое какой суррогат университета, вне "хороших манер" не имевший никакой ни подвижности, ни недвижности. Получался тупик.

Слой можно было ломать. Слой можно было размывать. Эволюция не удалась. Но мы еще не знаем, — а что получилось бы из "революции"?

Расчет Государя Императора, рассматриваемый сейчас, почти сорок лет спустя, остается все таки правды и лжи м расчетом. Кинжал Брута не мог предусмотреть даже Наполеон. Святой Флены не предусмотрел Наполеон. А были — "великие люди". Паря-Освободителя почему то не называют "великим" хотя абсолютно очевидно, что для России он сделал безмерно больше, чем Наполеон для Франции. У Паря-Освободителя тоже был свой план. Ринчен ли Паря-Освободитель в "репрезентативности", когда с Манифестом о созыве Земского Собора в цармане, Он был "бит изверженой бомбой"?

*

"Оправдание революции"? Нет, нет и н и к а к о г о оправдания революции — ни Февралю, ни Октябрю. Нет, и н и к а к и х положительных сторон ни в Феврале, ни в Октябре нет. С почти математической точностью можно рассчитать, что к тридцатым годам "слои" был бы все равно смьт жизнью — это только в анабиозе эмиграции он может считать себя еще существующим и даже живым. Нет, революции нет и н и к а к о г о оправдания. И в ней не было никакого "народа". Была грязь,

предательство, бездарность, безчестность — немецкие деньги, английские влияния, безмозглое своекорыстие, — кровь и грязь, грязь и кровь...

В грязи и крови родился Февраль. В грязи и крови погибнет Октябрь, его законный наследник. А платит — придется н а м. И не только нам: платит и еще будет платить все человечество. Заплачена уже поистине страшная цена, но заплачена еще не вся.

Кровь Царя-Искупителя и на нас и на детях наших. Тут, просто ничего не поделаешь. Это уже ф а к т.

*

В мире случаются и мятежи и восстания и даже революции. Вычеркнуть всего этого из человеческой истории мы не можем. Но мы можем дать оценку, а иногда, гайти и оправдание. Революционное движение Италии первой половины прошлого века, было обосновано и морально и политически: оно было направлено на борьбу с чужеземным австрийским владычеством, опиравшимся на самые реакционные слои Италии. Пугачевское восстание было оправдано морально, но было бесперспективно политически. "Великая" французская революция имеет свое социальное и моральное оправдание: безумная роскошь двора за счет сплошной нищеты народных масс, финансовые катастрофы, моральное разложение династии. Однако, в результате революции Франция с первого места в мире сошла приблизительно на пятое-шестое. Для того, чтобы сделать эту разницу в "местах" наглядной, попробуем представить себе сегодняшнюю Францию, ведущую наступательную войну даже против сегодняшней России. Представить будет трудно. Таким образом, моральное оправдание еще ничего не говорит политически — Франции лучше было бы идти эволюционным путем. Имела свое оправдание, и моральное и политическое, американская революция против Англии. Так что даже и "революции бывают разные". Но русская революция не имела н и к а к и х оправданий — ни моральных, ни социальных, ни экономических, ни политических. Ее устроил правящий и ведущий слой — университетская, военная, земельная и финансовая з н а т ь, и каждая — в своих узко эгоистических интересах. Исходной позицией революции были не "возмущение народных масс", не "неудачи войны", — были клевета и предательство. В этом предательстве первая скрипка, конечно, принадлежит именно военным кругам: П. Н. Милюков никому не присягал — военные круги присягали. Но их роль (если "Н.Р.С." передало доклад ген. А. Спиридовича правильно) докладчик постарался затуманить — может быть тоже потому, что все таки "свои люди". Но абсолютно ясно, что, без военных верхов "дворянский заговор" пяти московских купцов остался бы стопроцентной маниловщиной.

*

Я очень хотел бы, чтобы наши друзья — не столько "читатели", сколько друзья, дали бы себе ясный отчет в чрезвычайно трудном положении народно-монархической мысли в эмиграции.

Будучи монархической, эта мысль обязана смывать всю ту клевету, которую и слева и справа облита русская Монархия: ибо, — е с л и признать, что и распутинская легенда

была фактом и “кровавый царский режим” был тоже фактом, — тогда монархизм теряет всякий смысл. Тогда он из национально исторической концепции, основанной на национально-исторической реальности, превращается в мечту: ах, как было бы хорошо, если бы у нас была бы такая монархия, какая нам нравится, — относительно к тому, возможна ли она и в мечте, а в реальности.

Будучи н а р о д н о й, эта мысль о б я з а н а подняться над предрассудками, возжеланиями, интересами, навыками всякой к а с т ы, — правая русская эмиграция на эти качества раздроблена вдребезги, — отсюда “восемьдесят организаций”, и ни одной настоящей.

Будучи п р а в о с л а в н о й, эта мысль не имеет права ни бороться за свое существование путем клеветы, ни даже “молчанием предавать истину”.

Это — о б я з а н о т р у д н ы й п у т ь. Но если, страха ради иудейска, оставить этот путь, — тогда народно-монархическая мысль превращается в б е с с м ы с л и ц у: тогда мы будем повторять старую до тошноты приевшуюся декларацию, будем идти старыми путями разгрома и позора, тогда мы не достигнем ничего, и не построим ничего. Будет новый провал в какой то новый Февраль.

Большинство правой эмиграции — это военные. Традиция “аполитичности” обернулась полным политическим и историческим н е з н а н и е м. Звание заменено символами, табу, темами, козлами отпущения, Бабой-Ягой и Кошеем-Керенским. Вот — говорит же г е н е р а л А. Спиридович, что А. Керенский спасал офицеров. То же пишет и С. Мельгунов. То же пишу и я. Генерал А. Спиридович знает, как было дело, знает Мельгунов, знаю и я. Мне и С. Мельгунову можно не поверить — почему не поверить А. Спиридовичу? Но, вот, печатаются безграмотные фальшивки. Эти фальшивки попадают к грамотным люлям — вот, вроде Дж. Кеннана — и получается с о в с е м н е х о р о ш о.

*

Положение народно-монархической мысли есть о б ъ е к т и в н о трудное положение. Как, впрочем, и положение всякой мысли в среде, которая мыслить не собирается. Из этой среды наше Движение спасло для России много, очень много людей. Те концепции, которые в данной среде считались само собою разумеющимися, не подлежащими никакому сомнению и никакой критике начинают т а я т ь. Принципы н а р о д н о й монархии — волею или неволею — официально признаются людьми еще так недавно стоявшими на так сказать национально-к а с т о в о й платформе. Мои статьи о “Фальшивке Февраля” вызвали признание — вынужденное или нет, это другой вопрос — в “России” и даже в “Знамени России”. Очень вероятно, что доклад ген. Спиридовича тоже связан с этой сетью. В тяжелых условиях эмиграции мы рассчитаем пути для Новой России для тех людей, которые хотят работать для Новой России, которые не хотят больше н и к а к и х Февралей. И потому д о л ж н ы знать, чем именно обуславливается первый. Первый был вызван — по словам Ларя-Искупителя — “изменой, трусостью и обманом”. Этой измене и это-

Борис Ширяев

Народный монархист XIX века

Мы привыкли к баснописцу дедушке Крылову так, как он сам был при жизни. При жизни к своему старому засаленному халату, к своему одиозному просторному дивану. Крылов остается для нас “дедушкой” и в ту пору, когда наши соотечественники внушительно учат те же басни, какие и мы твердили когда то...

В те далекие теперь времена, Крылов был для нас примитивным, простым и ясным моралистом, весело и забавно подсмеивающемся над пороком, злодеем, козлом отпущения... С хитрым, по-мужицки, учил нас тогда засавинок дедушка вышвенно в сердце народном жизненной правде. Мы замечали в сознании его мелкие смачные слова оуказы, и несли их с собою в жизнь. “Медвежья услуга”, “Демьянова уха”, “Квартет” становились неразлучными с нами бытовыми, житейскими формулами, но если бы кто-либо спросил нас о политических взглядах великого, первого в русской литературе народника, — дедушки Крылова, то, вероятно, мы только пожали бы плечами.

— Сасеник Крылов и политика? Что между ними общего?

Руководители советской школы иного мнения. Там тоже учат басни Крылова, даже в большем объеме, чем в старой школе. Прочтя “Квартет” малышам, учитель говорит им:

— Вот, так и теперь у наших врагов, врагов СССР. Садятся, пересаживаются, а договориться между собою не могут, потому что у них “капиталистические противоречия”. Вы, дети, пока только еще пионеры и не можете в этом разобраться, но станете комсомольцами и тогда вспомните “Квартет” дедушки Крылова.

Пионеры становятся комсомольцами, слушают доклады о международном положении и вспоминают “Квартет”, а вспомнив, убежденно повторяют:

— Действительно, мудр наш вождь! Ни черта эта буржуазная дипломатия не стоит! “Квартет” из басни! Только и всего!

Советская школьная пропаганда систематично и умело пользуется наследством Крылова, (как и всю русскую литературу), для достижения своих целей. Выполнение этого задания в данное время не трудно, и не сложно: Крылов — яркий русский повенник, жизненно, а не литературно впитавший в себя политические концепции народного мышления и образно противопоставивший их наносным, внешним влияниям.

“Говорильня” для него лишь смехотворная нелепость: “А Васья слушает, да ест”. Сверх-мудрственные построения “научных систем” становятся в свете его трезвой мужицкой смекалки только “ларчиком, который просто открывался”. Взять и открыть,

му предательству нет никакого “оправдания”. И даже нет никаких смягчающих вину обстоятельств: предательство в самом обгаженном его виде. Но говоря о предательстве, мы обязаны знать, кто, как и з а ч е м занимался этой профессией, начиная от казни Пугачева Алексея Петровича и кончая Февралем. Если мы не будем з н а т ь, нас предадут еще и еще и еще...

Иван Солоневич

не разыскивая несуществующих механических тайн.

Это “открыть”, “просто открыть” в государственной жизни он формулирует строчками:

Знать свойства своего народа
и в методу земли своей...

Если бы нас с Иваном Лукьяновичем не разделяли десять тысяч километров океана, то я успел бы своевременно напомнить ему эти строчки для эмигранта к “народной Монархии”. Проще и яснее открыть этот ларчик нельзя.

И. Хоржевский в своей “Русской Литературе” пишет: “С Крыловым несомненно был громадный жизненный и политический (подчеркнуто И. Х.) опыт, — опыт брота, долю рывшегося вназгу, у самых корней народного дерева, продвинувшись исподволь, от деревенской ярмарки... к ближайшим ступеням царского трона, Крылов прочел и выучил наизусть всю русскую политическую гамму”. “Он мог бы и теперь давать неплохие советы”, — замечает далее И. Хоржевский.

Уточним эту фразу: не “мог бы”, а “дает”, и эти советы И. А. Крылова до удивления точно совпадают с советами И. Л. Солоневича, для тех, конечно, кто хочет понять одного и другого.

Вот басня “Пушки и паруса”. К сожалению, ее вряд ли читал генерал Фуллерс и прочие апостолы всемогущества атомной бомбы и военной техники. Но совпадение ее “морали” со взглядами И. Л. Солоневича на этот вопрос совершенно точно.

Столь же точно сопоставление кота Васьки с милым старым “Джо”, спокойно пожирающим страну за страной под звуки речей прекрасноречивых демократических говорунов — “поваров”.

Безупречным демократам САСШ, Англии и Франции, всадившим нож в спину генерала Врангеля, выдавшим генерала Власова и генерала Дражу Михайловича, а теперь собирающимся выдать китайских перебежчиков в Корею, было бы очень полезно прочесть басню “Булат”:

Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годеи...

Может быть и им стало бы стыдно. Избиратели, посылающие в парламенты и сенаты республик любителей лакомиться чужими каштанами, могли бы увидеть себя в басне “Два мальчика”.

В редкой басне Крылова мы не найдем аналогии с современностью и эта современность рассмотрена И. А. Крыловым в том же аспекте, в каком рассматривает ее теперь “Наша Страна” — в аспекте простого, ясно го здравого смысла. Вот то, что через столетие роднит с нею русского народного моралиста и политика Крылова. Это средство усиливается еще более при внимательном прочтении тех басен, где фигурируют “цари”: лвы и орлы. Моральная осьова монархии — “диктатура совести” ясна для русского почвенника Крылова. Беда в лихом средостении между властью и народом. Как устранить эту беду? Крылов отвечает на этот вопрос в басне “Огородник и философ”: “При-

Ив. Солоневич.

с

В РОДЕ ДОПОЛНЕНИЯ

К моему ответу на вопросы г-на В. Литвинского мне попало совершенно случайное дополнение: недавно я получил пуд старого американского чтива, перелистывал его и случайно открыл статью в “Колльере” от 10 апреля 1947 года. Статья на стр. 33 начинается так:

— Франк Костелло, король игорных притонов, ракегир и демократическая сила...

Дальнейшее мало интересно. Это было написано пять лет тому назад. Сейчас та же пресса пишет о той же “демократической силе” того же Костелло, — о том с каким презрением отнесется он к прокуратуре, к законам, суду и прочим таким демократическим приспособлениям, ибо он с и л а. И к тому еще и чисто демократическая. Был бы благодарен г-ну В. Литвинскому за разъяснение по этому поводу.

Есть и еще один пример, который, к сожалению, могу привести только по памяти:

После франко-прусской войны в Германию хлынуло золото французской контрибуции. Кроме пресловутого “грюндерства” оно имело еще одно последствие: невероятный скачек потребления спиртных напитков. Левые партии парламента внесли законопроект об ограничении этого потребления. Князь Отто Бисмарк, находившийся тогда на самой вершине своей славы и силы, выступил с резкой критикой этого законопроекта. Пресса намекала на то, что критика О. Бисмарка была вызвана, так сказать, профессиональной солидарностью — сам О. Бисмарк был убежденным алкоголиком. Но в переписке со своей женой — О. Бисмарк дал более прозаическое объяснение:

По немецкой традиции почти все предвыборные собрания происходят в трактирах. Трактирщики имеют огромное влияние на эти выборы. Задеть интересы трактирщиков — значит, получить резко оппозиционный правительству парламент.

Так вот: Кастелло, Аль Капоне, Стависские, трактирщики, человеки улицы, которые, кажется, совсем все-речь предполагают, что избирают они, а не Кастелло. Какие гарантии имеет г-н В. Литвинский против всего этого?

Ив. Солоневич.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ Часть II — Дух Народа.

вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей “Нашей Страны” и в лучших книжных магазинах Зарубежья.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

лежность, навык, руки” — общий повседневный труд на одиннадцативековом российском “огороде”, традицией которого этот “огород” и возделан: спаси его, Господи, от философского эксперимента: он — экспериментатор

Все перероет, пересадит
На новый лад и образец...

И в результате — “философ” — без огурцов. Увы, не сам “философ”, но загабаченный им в колхозе все-российский “огородник”...

Пушкин назвал И. А. Крылова “представителем духа русского наро-

Борис Башилов

Спор, решенный жизнью

(ГОГОЛЬ И БЕЛИНСКИЙ)

2

Такие ужасные мысли высказывал оклеймованный Белинским Гоголь до издания "Выбранных мест из переписки с друзьями". А вот какие замечательные мысли мы встречаем в этой книге, вызвавшей такую ярость у Белинского.

В письме к Л. Гоголь, например, писал: "...Пусть прежде выкричится хорошенько молодежь: это ее дело. Поверь, уже так заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались затем именно, дабы умные могли в это время надуматься вдоволь. К спорам прислушивайся, но в них не вмешивайся".

Это по существу уничтожающий ответ на то место литературной истерики В. Белинского, в котором он заявляет, что Вольтер важнее всех попов, архиереев, митрополитов и патриархов, как восточных, так и западных.

Скажите же, у кого больше мудрости, у Гоголя, понимавшего то, чего не понимает в восемнадцать лет русский гимназистик, или у Белинского, считающего, что русский гимназистик умнее и культурнее гениального русского писателя, не считающего Вольтера умнее всех духовных лиц вместе. В наши дни, когда события показали, кто был более прав во взглядах на Россию, Гоголь или Белинский, мы ясно видим, что Гоголь был, конечно, не менее душевный человек, чем Белинский, но в то же время мы ясно видим, что Гоголь был неизмеримо духовнее, духовнее и глубже, чем Белинский с его односторонним умом, с его привычкой подгонять все факты жизни под полюбившуюся ему идею.

Виссарион Белинский только одно время, до начала своего увлечения французским социализмом, понимал, что:

"Россия еще дитя, для которого нужна нянька, в груди которой билось бы сердце, полное любви к своему питомцу, а в руке которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать дитяти полную свободу — значит погубить его. Дать России в тепе-

да". Русский народ подтвердил это определение, раскупив при жизни своего баснописца 77.000 экземпляров его книг. Небывалый, невероятный по тому времени тираж!

Русский мужицкий здравый смысл, пропитывающий каждое слово Крылова, жизненен в наши дни в той же мере, как был сто, двести, триста лет назад. Именно он является стержнем нашей государственной традиции.

Вот почему басенно выраженные политические сентенции И. А. Крылова через 120—130 лет отразились в публицистически оформленных историко-политических концепциях "Духа Народа" И. Л. Солоневича.

Вот почему, мы смело можем называть великого российского почвенника, русского народолюбца и правдолюбца И. А. Крылова народным монархистом девятнадцатого века, нашим политическим предтечей.

Борис Ширяев.

решнем ее состоянии конституцию — значит погубить Россию. В понятии нашего народа свобода есть в о л я , а воля — озорничество. Не в парламент дошел бы освобожденный русский народ, а в кабаке побежал бы он пить вино, бить стекла и вешать дворян, которые бреют бороды и ходят в сюртуках, а не в зинуах, хотя бы, впрочем, у большей части этих дворян не было ни дворянских грамот, ни копейки денег. Вся надежда России на просвещение, а не на перевороты, не на революции и не на конституции. Во Франции были две революции и результатом их конституция и что же? В этой конституционной Франции гораздо менее свободы мысли, нежели в самодержавной Пруссии". (Письмо к Д. П. Иванову).

А Гоголь, так же как и Пушкин, все время неизменно придерживался убеждения, что Россия нуждается не в преждевременных конституциях, а в постепенном последовательном прогрессе во всех областях жизни. Белинский выражает сомнение в уме Гоголя. Но ведь Гоголь думал о России точно так же, как о ней думал и Пушкин. А ведь Пушкина не только Император Николай I, но и все современники, считали умнейшим человеком тогдашней России. Спрашивается, кто же более умен, Гоголь, думающий так же, как думает самый умный человек России, или Белинский, не думавший так, как думает самый умный человек России. Да, Гоголь во многих случаях думал не так, как думал Белинский, восплаивший любовью к Робеспьеру и Марату и увидевший в гильотине одно из средств в установлению всеобщей социальной гармонии.

В письме к поэту Языкову Гоголь, например, пишет:

"...Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именитый гражданин в государстве. Он первый возвестил торжественно, что писателя не может стеснить цензура, и если уже он исполнился чистейшим желанием блага в такой мере, что желание это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищею, тогда никакая цензура для него не строга, и ему везде просторно. Он это сказал и доказал. Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на это право. Какой урок нашему брату писателю! И как смешны после этого из нас те, которые утверждают, что в России нельзя сказать полной правды, и что она у нас колет глаза! Сам же выразится так нелепо и грубо, что более, нежели самую правдою, уколет теми заносчивыми словами, которыми скажет свою правду, словами запальчивыми, выказывающими неряшливость растрепанной души своей, и потом сам и изумляется, и негодует, что от него никто не принял и не выслушал правды!"

В этом месте письма Гоголь как бы заранее дает ответ на критику вроде критики В. Белинского. Крити-

ку, состоящую из одних запальчивых слов, оскорбительных замечаний, которые ничего другого не могут доказать, как только наличие растрепанной души у самого критика.

"Нет, имей такую чистую и такую благоустроенную душу, какую имел Карамзин, и тогда возведи свою правду: все тебя выслушают, начиная от Царя до последнего нищего в государстве и выслушают с такою любовью, с какой не выслушиваются ни в какой земле ни парламентский защитник прав, ни лучший нынешний проповедник, соображающий вокруг себя верхушку модного общества; и с такой любовью может выслушать только одна чудная наша Россия (о которой идет слух, будто бы она вовсе не любит правды)..."

2.

В одном из писем по поводу "Мертвых душ" Гоголь обращается к какому-то читателю со следующими замечательными словами:

"Кому, при взгляде на эти пустынные, доселе незаселенные и неприютные пространства, не чувствуется тоска, кому в заунывных звуках нашей песни не слышатся болезненные упреки ему самому, именно ему самому, тот или уже весь исполнил свой долг, как следует, или же он не русский в душе.

Разберем дело, как оно есть. Вот уже почти полтора года протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза чистилищем просвещения европейского, дал в руки нам все средства и орудия для дела, и до сих пор остаются так же пустынные, грустные и безлюдные наши пространства, так же неприютно и неприветливо все вокруг нас, точно, как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под нашею крышею, но где то остановились неприютно на проезжей дороге, и дышит нам от России не радужным, родным приемом братьев, но какую то холодную, занесенную вьюгой почтовою станцией, где видится один ко всему равнодушный станционный смотритель с черствым ответом: "Нет лошадей!" Отчего это? Кто виноват?

Мы или правительство? Но правительство во все время действовало без устали. Свидетелем тому целые томы постановлений, узаконений и учреждений, множество настроенных домов, множество изданных книг, множество заведенных заведений всякого рода: учебных, человеколюбивых, богоугодных и словом, даже таких, каких нигде в других государствах не заводят правительства. Сверху раздаются вопросы, ответы снизу. Сверху раздавались иногда такие вопросы, которые свидетельствуют о рыцарски-великодушном движении многих государей, действовавших даже в ущерб собственным выгодам. А как было на это все ответствовано снизу? Дело ведь в применении, в умении приложить данную мысль таким образом, чтобы она принялась и поселилась в нас.

Указ, как бы он обдуман и определен не был, есть не более, как бланковый лист, если не будет снизу такого же чистого желания применить его к делу тою именно стороною, какой можно, какой следует и какую может прозреть только тот, кто просветлен понятием о справедливости Божеской, а не человеческой. Без то-

го все обратится во зло. Доказательство тому все наши тонкие плуты и взяточники, которые умеют обойти всякий указ, для которых новый указ есть только новая пожива, новое средство загроздить большею сложностью всякое отправление дел, бросить новое бревно под ноги человеку.

Словом — везде, куда ни обращай, вижу, что виноват применитель, стало быть, наш же брат: или виноват тем, что поторопился, желая слишком скоро прославиться (и хватить орденшкку); или виноват тем, что слишком сторяча рванулся, желая, по русскому обычаю, показать свое самопожертвование; не спросясь разума, не рассмотрев в жару самого дела, стал им ворочать, как знаток, и потом вдруг, также по русскому обычаю, простыл, увидевши неудачу; или же виноват, наконец, тем, что, из-за какого нибудь оскорбленного мелкого честолюбия, все бросил и то место, на котором было начал так благородно подвизаться, сдал первому плуту — (пусть пограбит людей). Словом — у редкого из нас доставалось столько любви к добру, чтобы он репился пожертвовать из-за него и честолюбием, и самолюбием, и всеми мелочами легко раздражающегося своего эгоизма и положил самому себе в непременимый закон — служить земле своей, а не себе, помня ежеминутно, что взял он место для счастья других, а не своего. Напротив, в последнее время, как бы еще нарочно, старался русский человек выставить всем на вид свою шекотливость во всех родах и мелочь раздражительного самолюбия своего на всех путях. Не знаю, много ли из нас таких, которые сделали все, что им следовало сделать, и которые могут сказать открыто перед целым светом, что их не может попрекнуть ни в чем Россия, что не глядит на них укоризненно всякий бездушный предмет ее пустынных пространств, что все ими дозволено и ничего от них не ждет".

Какой мудростью, какой любовью к России звучат эти строки сейчас, когда то, что предвидел и о чем предостерегал современников Гоголь, совершенно усилиями тех, кто поверил "Неистовому Виссариону" "и пошел за ним.

Книга Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями", за которую В. Белинский, увлекшийся социализмом, обозвал гениального писателя земли русской — проповедником кнута, апостолом невежества, панегиристом татарских нравов в основном вся состояла из таких умных и трезвых рассуждений, как и приведенные выше.

(Продолжение следует).

Б. Башилов.

Всю корреспонденцию, предназначенную для Редакции и Издательства "НАШЕЙ СТРАНЫ" — простую, заказную и денежную — следует направлять по адресу:

VSEVOLOD DUBROWSKY
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires, Argentina

На складе у всех представителей "НАШЕЙ СТРАНЫ"

и в лучших русских книжных магазинах во всех странах:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
"ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ"

Цена 2 ам. доллара

Георгий Сосунов

Император Николай Второй и Православная Церковь

35 лет назад, — пройсками и деньгами внешних врагов, глупостью, безграничным самомнением и стремлением к власти т. наз. "ведущего слоя" страны, при полном неведении самого русского народа о готовящемся, беспримерном в истории, предательстве накануне победоносного окончания войны — было возвращено тысячелетнее основание бытия Российского Государства, из Киевской Руси расцветшего до Великой Империи: был свергнут Русский Православный Царь.

За эти годы изданы сотни томов всякого рода книг — и мемуарных, оценивающих эти роковые события часто слишком субъективно, и книг, которые, изучением документов и материалов исторических, пытаются дать катастрофе анализ с возможно большей степенью беспристрастности.

Сводка всех этих материалов дает возможность объективному читателю установить у Государя Николая Александровича наличие больших государственных способностей, а равно и то, что Он делал все возможное, чтобы преодолеть стремление наших тогда правящих кругов и т. наз. интеллигенции во что бы то ни стало уничтожить основы Российского Государства: Православие, как воплощение "Божией Правды", и самодержавного Царя, как справедливого и, главное, неподкупного арбитра в государственных делах. Наша после-

революционная литература для объяснения катастрофы именно в этой плоскости не дала почти ничего. Но та же литература дала достаточно сведений, как из государственной деятельности последнего Царя, так и из жизни Его Семьи, чтобы убедиться, что вопрос Церкви и Православия был Ему особенно близок и, конечно, церковная реформа обращала на себя Его внимание не в меньшей степени, чем все другие вопросы политики внутренней и внешней. Подводя беспристрастный итог, можно безошибочно установить, что Им и было сделано многое в этом направлении.

Идеи "Святой Руси", "Правды Божией" преобладали в Нем тем сильнее, чем дальше окружавшее Его "передовое" общество уходило от них, и чем стремительнее это общество приближалось к "идеалам" материалистически-марксистским. "В этом — говорит проф. К. Зайцев в своей книге "Памяти последнего Царя" — объяснение той трагически безысходной отчужденности, которую мы наблюдаем между Ним и русским обществом". Он ясно чувствовал разницу духовных и моральных оснований — своего и правящих кругов. "Едва ли не большинство (общества) сторонится от Нее (Церкви) и ищет себе других руководителей, чуждых и даже враждебных Ей" (там же). При наличии

плохо скрываемого, упрямо и принципиально гражданского отношения общества ко всем благим начинаниям Государя и Его истинно патристически мыслящих помощников — лучший пример, П. А. Столыпин — ему была необходима нравственная поддержка и, конечно, Он прежде всего искал ее в Церкви, ибо прекрасно отдавал себе отчет в той исключительной роли, которую играла Православная Церковь в жизни нашего Отечества. Достаточно восстановить в памяти лишь самые важные этапы нашей церковной истории.

1-ое августа 988 года. — Святой равноапостольный Князь Владимир приобщает русский народ к христианству. Рядом с Князем учреждается духовная власть митрополита Киевского и всея Руси. Вот — начало российской государственности: княжеская власть и, параллельно с нею, власть духовная, христианская проповедь и просвещение. (Первая русская школа в Киеве при митр. Михаиле).

Удельное время. — Князья неизменно, уезжая в уделы, брали с собой пастырей, которые приобщали к христианству подвластное население. Инок монастырей — не только первые колонизаторы, но и рассадники православной культуры и просвещения. Митрополиты всея Руси — главные заступники Земли Русской перед грозными ханами.

Смутное время. — Многочисленные обители — не только рассадники Православия, но и защита от врагов: Киево-Печерский монастырь, Троице-Сергиевская Лавра, Боровско-Панфутинский монастырь и мн. др. Когда "измалодушествовались верхи" и по-

мутился разум народа, одна Православная Церковь оказалась на высоте положения и пришла на выручку. Патриарх Гермоген, архим. Дионисий, келарь Авраам Палицын, вот те, кто будил совесть наших предков и привел Русь к ее спасению. Патриарх Филарет — ближайший руководитель и помощник первого царя из дома Романовых.

Православие пришло из Византии, но по духу оно на Руси византийским никогда не было. Русский народ воспринял византийское Православие психологически совершенно самобытно: он дал ему свое специфически русское преломление, какое этому же православию другие народы не придали: достаточно сравнить русское Православие с Православием греческим балканских народов, или, скажем, абиссинским. Русский народ взял из Православия его суть: "Божью Правду". Поэтому высшая церковная власть только внешне была устроена по образцу византийскому и, хотя митрополит Киевский утверждался и поставлялся в Царьграде Вселенским Патриархом, управлял он митрополией совершенно независимо, но отнюдь не самовластно, так как во всех важных случаях созывал епископский собор! Все миряне имели право избирать себе достойного пастыря и между пастырями и мирянами была исключительно тесная духовная связь.

В 1589 году, при царе Феодоре Иоанновиче было учреждено Патриаршество. И тут, хотя Патриарх управлял единолично, дух соборности, тесная связь через пастырей с мирянами и периодические созывы епископских соборов, на которых почти всегда

стали остались такими же свободными — принимая во внимание эпоху Лениных и Гитлеров. Тысячу лет тому назад в "холопы" попадали и поляне, и торки, сейчас в концентрационные лагеря попадают и эльфы, и иудеи — все те, кому сбежать не удалось. Если было хорошо — было хорошо всем. Если было плохо, то всем было плохо. И свобода русского народа — или свобода народов России — ограничивалась вовсе не самодержавием, а просто-напросто воинской повинностью и всем тем, что она автоматически вела за собой. Ни наличие Батыев, ни наличие Гитлеров, не имело никакой связи с наличием самодержавия.

Сейчас я склонен впасть еще в одну ересь. Я буду утверждать, что русский рабочий времен Николая Второго был свободнее английского рабочего времен м-ра Эттли.

Английский рабочий времен м-ра Эттли склонен рассматривать профсоюзы, как величайшее достижение своих свобод. И те же профсоюзы склонен рассматривать, как великое ярмо на шею мирового пролетариата. Без всяких профсоюзов русский рабочий питался лучше рабочего британских привилегированных островов. Он имел свободу труда, не стесненную законами о планировании рабочей силы. Там, где надо было охранить его реальные интересы, там самодержавие делало это и раньше и лучше всех профсоюзов мира, взятых вместе. Но только перед пролетариатом оно не заискивало и опиумных фимиамов перед ним не курило. В любой стране Европы горьковских босяков сажали и сажают в тюрьмы за бездомность. Русский босьяк — включенный в состав Великой Империи, имел и еще некоторые преимущества, каких английский пролетариат лишен начисто: русский босьяк или тульский рабочий могли в любой момент плюнуть на Тулу или на Ростов, и двинуться в Хиву или на Амур. Английский пролетарий этой свободы лишен. Даже в границах своей собственной Империи он не может передвигаться: его не пускают ни в Канаду, ни в Австралию, ни в Южную Африку, вообще — никуда. Ибо Австралия и прочие населены "независимыми нациями", и эти независимые нации не пускают к себе даже и участников войны. Разумеется только тех, у которых нет достаточного количества денег. Английский рабочий лишен свободы труда и свободы передвижения. Компенсируется ли все это той свободой, с которой "Дэйли Уоркер" ведет свою пропаганду по дальней-

предреволюционные десятилетия норовили принадлежать короне британской.

Британская Империя является приблизительно сверстницей Российской. С той маленькой поправкой, что началась она лет на семьсот позже и кончается, на неизвестное количество лет раньше. Это — не первая "великая империя", которая промелькнула перед нами. Как и не одна "великая армия" побывала тут. Были великие империи — и прошли великие империи. Были великие армии — и не ухитрились всегда уйти. А мы, рязанские, все стоим — приводя в искреннее, хотя и греховное, недоумение даже и м-ра Эчисона.

Основание Британской Империи относится, конечно, не к эпохе м-ра Дизраэли, который объявил английского короля императором Индии, а к диктатуре Кромвеля, который возглавил соборную национальную контр-революцию островитян против революционных попыток континентальных новшества. При нем было проведено объединение островов — лет на семьсот-восемьсот позже объединения Руси при первых Рюриковичах. Лет пятьсот до этого и лет триста после этого — от Вильгельма Завоевателя до сегодняшнего дня — ни разу в своей истории Англия не стояла перед вопросом: быть или не быть. Даже и при Гитлере. Но мировая роль Англии началась только с Кромвеля, объединившего разрозненные племена островов в единый государственный блок.

У нас Ольга воевала с древлянами, и новгородцы били суздальцев. Древляне где-то вообще растворились, а войны новгородцев с суздальцами мы сейчас вообще себе представить не можем. По летописному сказанию, Добрыня крестил славянских язычников мечом, а Путята огнем, но алибогийских войн у нас все-таки не было. И, оценивая британские островные свободы, мы начисто забываем о целом ряде самых основных фактов и вашей и английской истории.

Наше национальное единство родилось где то в эпоху Олега, и войны, которые велись до установления всероссийского центра, были войнами за этот центр — а не за ликвидацию его. Войнами за централизм, а не за сепаратизм. Войны Кромвеля были войнами за установление центральной власти против сепаратистских тенденций Шотландии и Ирландии. Обе страны были разгромлены вдребезги и залиты кровью. Ирланд-

присутствовал и Царь, создавали удивительную гармонию между властью церковной, царской и самим народом.

Так было до реформ Петра Первого. — Эти реформы разрушили природно и веками создавшийся канонический строй Русской Православной Церкви. Петр Первый объявил себя "красным судьей" в делах Церкви. Сущность реформы сводилась к тому, что патриаршество уничтожалось, а для управления делами церковными учреждалась Коллегия Святейшего Правительствующего Синода с наблюдателем-представителем правительства — обер-прокурором. Синод состоял из некоторого числа епископов, архимандритов и даже священников, назначенных государственной властью, причем состав Синода был очень непостоянен. После реформы Петра I Православная Церковь превратилась в олекаемое государственное учреждение, а церковная иерархия — постепенно и отчасти в чиновников духовного ведомства.

Назначение епископов и посвящение достойных пастырей, награды, пенсии, переводы архиереев из одной епархии в другую — всем этим ведал Синод, все шло через прокурора. Завелась, в конце-концов, нехорошая практика: переводить угодных епископов на "лучшие", а негодных — на "худшие" кафедры. Старинное, чисто православное право прихожан выбирать себе пастырей свелось на нет. "Церковная иерархия перестала иметь прежнее влияние и авторитет и уже не могла с успехом выполнять свое прямое назначение — религиозное воспитание народа" (Б. В. Тряпкин — "Церковь и Государство").

Государь Николай Второй, будучи человеком в высшей степени религиозным и церковным, сознавал первопричины, которые русский народ вели к отходу от Церкви и Царя: высшие, ведущие круги и интеллигенцию — под влиянием иностранных утопических идей, а простой народ — из-за отсутствия тесной связи между пастырями и паствой. Верховной власти, Государю, необходимо было восстановить нормальную связь с народом и пробить брешь в средостении, которое создали круги ведущие. Это можно было сделать только через Церковь. События 1905 года еще больше убедили Государя в необходимости возвращения к исконным началам Российской Государственности — восстановлению патриаршества, церковных соборов и тесного участия мирян в жизни Церкви. Мысль о Соборе стала возникать и у видных иерархов.

"17-го декабря 1905 года Государь принял трех митрополитов и беседовал с ними о созыве церковного Собора. 27-го декабря Он обратился с рескриптом к С.-Петербургскому митр. Антонию Вадковскому. Напомним, что еще весной возникла мысль о Соборе, Государь писал: "Ныне Я признаю вполне благовременным провозвести некоторые преобразования в строе нашей Отечественной Церкви. Предлагаю вам определить время созыва этого Собора". (Н. Д. Тальберг — "История Русской Церкви"). Однако сословное и нравственное разложение правящего слоя сказалось и на этом вопросе. Этому слою, лелеявшему мысль о революции, необходимо было слабое Православие. Дело это тормозили все, кто мог и, в

первую голову, законодательные учреждения: "Руководящие церковные круги испытывали колебание при мысли, что внутренние вопросы церковного устройства будут решаться голосами атеистов и иноверцев. Эти сомнения разделял и Государь. Гос. Дума со своей стороны относилась ревниво к возможности изъятия из ее ведения целой области народной жизни, и вопрос о порядке прохождения церковной реформы так и оставался открытым" (С. С. Ольденбург, "Царствование Императора Николая Второго, т. 2-ой). Однако какая то — разумеется, довольно сложная — работа по подготовке к созыву Собора была сделана. Не смог бы иначе быть созван Собор уже летом 1917 г. с участием епископов, выборных от черного и белого духовенства и представителей прихожан после 3½ лет очень трудной войны и в обстановке революционного развала и анархии, а 21 ноября (4 дек.) 1917 г. состоялся в Успенском Соборе, в Москве торжественное поставление митрополита Московского Тихона, в Патриархи.

Увы! Той роли, которую отводили Церкви история и намерения тогда уже свергнутого Царя — новая церковная власть сыграть не могла. Двухсотлетний отрыв Церкви от исторически сложившихся русских Православных традиций сказался тем острее, что в жизнь реформа была проведена, когда либеральные хвосты мятежных ведущего слоя и интеллигенции спешно сдавали свои позиции наступающему безбожному большевизму и удирали кто-куда.

Прежний авторитет Православной Церкви и иерархии исчез среди верующих, а двухсотлетняя "опека" госу-

дарственной власти и канцелярийских синодских чиновников убила творческую инициативу к принятию ответственных решений. Пламенного призыва — "постоять за Веру Православную и за Дом Пресвятой Богородицы" — русский народ в то страшное время услышать — увя! — не мог: новопоставленный Патриарх был уже в заточении, а Православная Церковь — в первую очередь именно она! — была гонима.

Но кровью множества мучеников — Патриарха Тихона, епископов, духовенства и благочестивых мирян — возвеличивается теперь Церковь наша Православная, а длинный-длинный ряд этих новых, после Рождества Христова века двадцатого мучеников возглавляет Сам, последний Государь Великой Российской Империи, Николай Второй Александрович. **Георгий Созунов.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"НАША СТРАНА"
Буэнос-Айрес Аргентина

Иван Солоневич
ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ

Часть 1.

Цена 2 ам. долл.

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 1. Основные положения.
Цена 1.50 ам. долл.
Часть 2. Дух народа.
Цена 1.50 ам. долл.

В ПЕЧАТИ:

Проф. М. В. Зызыкин
ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I

Цена 3.00 ам. долл.

дия была обращена в рабство, которое продолжалось от Кромвеля до де Галеры — то есть около трехсот лет. Сейчас Ирландия отделилась от Империи и Шотландская национальная партия начинает говорить и о шотландской независимости. Южная Африка, повидимому, идет по тому же пути — и за всеми декларациями и декларациями о всяких правах, свободах, победах и процветаниях — мы начисто упустили целый ряд вопиюще очевидных фактов. Я бы сказал: истинно вопиющих фактов.

Российская Империя существует одиннадцать веков. Британская просуществовала только три века.

Российская Империя строилась в процессе истинно нечеловеческой борьбы за существование. Британская строилась в условиях такой же безопасности, какую пользовался в свое время, — до изобретения паровоза, любой средневековый барон: Англия сидела за своими проливами, как барон за своими стенами, и при всякой внешней неудаче или угрозе имел полную возможность "сидеть и жрать". Мы такой возможности не имели и никогда — ни при Батые, ни при Гитлере.

Российскую Империю народ строил и отстраивал ценою беспримерных в истории всего человечества жертв. И единственное, что он на этой стройке заработал — это кое-какая — о себе шаткая безопасность от Батыев и от Гитлеров. Британская Империя строилась на торговле — в том числе и на торговле рабами и опиумом. Британская Империя, как общее правило, воевала чужими наемными силами. В Крымскую войну в Гамбурге была основана целая контора по вербовке немецких ландскнехтов для войны против России, во Вторую Мировую войну в составе английской армии были и польские, и чешские, и индусские войска, и всякие иные войска, дивизии и даже армии. Из тех — очень скромных потерь, какие понесла британская армия во Вторую Мировую, статистика, кажется не удосужилась подсчитать все неанглийские потери. Все то, что сейчас по эфиру и по почте распространяется о "страшных напряжениях" Англии во Вторую Мировую войну — есть просто вздор — по сравнению со всем тем, что в ту же войну переживала не только Россия, но и Германия.

На географически привилегированном острове, привилегированная торговая нация, выдвинула свой привилегированный организующий слой и этот слой, действительно, пользовал-

ся таким комфортом и такими свободами, какими у нас не пользовался и не мог пользоваться никто. Вину за наш географический сквозяк и его политические и экономические последствия, наша наука взвалила на плечи самодержавия. Заслугу островного положения Англии та же наука приписала "демократии". Хотя — должно было бы быть совершенно ясно, что в масштабе всей Империи любых свобод в России было гораздо больше, чем в Англии. Русский журналист был свободнее, чем английский, — хотя даже и с этим можно было бы спорить, — но финский торпарь, узбекистанский деканин, или зырянский охотник были свободнее русского мужика — хотя бы по той простой причине, что воинской повинности они не отбывали. А во всем остальном они были совершенно равноправны. Великое тягло государственной обороны из века в век падало главным образом на великорусские и малорусские плечи, — и при Олеге и при Сталине, — и при Кончаках и при Гитлерах. Но мы никогда не воевали наемными армиями, никогда не зарабатывали ни на рабах, ни на опиуме, и никогда не пытались становиться ни на какую расовую теорию. Очень нетрудно установить очень близкое родство между английским "долгом белого человека" и немецкой "высшей расой". В Российской Империи не было: ни белых человек, ни высших рас. Татарское, то есть монгольское население России никто и никогда не рассматривал ни в качестве "нижней расы", ни в качестве "цветной расы". Совсем недавно, в Лондоне произошла маленькая неприятность: туда приехала американская музыкальная делегация. В ее составе был негр. Негра НЕ приняли в гостиницу. Этот инцидент попал в газету и м-ру Эттли пришлось кое-как извиниться, все таки американские граждане. Очень возможно, что аналогичные инциденты, не касающиеся граждан САСШ, в газеты не попадают.

ОТСТУПЛЕНИЕ О СВОБОДАХ.

Насколько можно восстановить общую психологическую картину первых киевских веков, дреговичи, поляне, торги и берендеи были тем олинковее свободными, — принимая, конечно, во внимание нравы конца прошлого тысячелетия. Потомки этих же дреговичей, полян, торгов и берендеев тысячу лет спу-

Владимир Рудинский

Любопытная статистика

Некоторое время назад вызвала всеобщий интерес в эмиграции анкета, проведенная редакцией солидаристского журнала “Посева”, неожиданно позавлаивая преобладание среди ее читателей монархических настроений. Однако, эти результаты носили довольно специфический характер, ибо их скорее можно признать типичными для членов НТС, чем для эмигрантской массы в целом. Поэтому мы с большим интересом узнали о том, что недавно такого же типа анкету провела газета “Наш Путь” в Германии. Это газета отнюдь не монархическая, в общем скорее правая, с тенденцией к всеобщему объединению (Орган “Российского Антикоммунистического Движения”), так что есть все основания полагать, что ее читатели подбирались по чисто случайным признакам, а не по соображениям определенных политических убеждений. Анкета же автоматически распределялась среди читателей. В силу этого мы думаем, что полученные гелактикой ответы представляют собою большую ценность, как свидетельство о самых современных настроениях среднего, рядового эмигранта, равно старого и нового.

Мы приведем ниже ответы на некоторые наиболее любопытные вопросы предложенные редакцией “Нашего Пути” ее читателям:

На вопросы о форме правления, которая должна существовать в России после свержения большевизма, из 507 заполненных анкет, 28 дают ответ — диктатура, а затем монархия; 15 — самодержавная монархия; 341 — монархия; 8 — народная монархия; 20 — конституционная монархия; 39 “скажет народ”; 23 — демократическая республика и республика; 33 анкеты не отвечают на этот вопрос.

Таким образом сторонники монархии во всех ее видах имеют подавляющее большинство — 412 из 507, или, другими словами, 81,26%, тогда как сторонники республики имеют только 4,53%. Интересно отметить и здравый смысл, проявленный большинством заполнявших анкету: отвечая просто “монархия”, они ясно выразили этим мысль, что все русские монархисты должны объединить свои силы и оставить второстепенные пункты о форме этой монархии (самодержавная или конституционная) до более позднего времени. Лишний раз мы сталкиваемся со свидетельством о факте, что масса эмиграции и достаточно едино и достаточно сознательно и что настоящая причина наших несчастий в некомпетентности, а иногда и нечестности, ее вождей и руководителей.

Надо отметить также следующие

пункты: 485 человек выражают готовность вступить в Русскую Освободительную Армию, если она будет организована; как наилучшее место для русского национального центра 344 указывают на Испанию, 272 на Францию, 85 на Западную Германию и только 41 на Соединенные Штаты; за единую неделимую Россию стоят 406 человек, 35 считают, что этот вопрос решит народ, 9 стоят за федерацию, 37 за самоопределение вплоть до отделения, 20 не дают ответа. На вопрос о возможных возгласителях объединенной эмиграции ответы очень разноречивы, как это и естественно: но мы хотим с удовлетворением упомянуть о факте, что в числе имен собравших наибольшее число голосов находится имя профессора Ширяева, за которого высказались 228 человек. Приятно видеть, что широкие круги читателей умеют оценить и незаурядные способности Бориса Николаевича и ту исключительную твердость и стойкость, с которыми он всегда защищал монархическую идею. Как монархист как новый эмигрант и как обрат-журналист, автор этих строк позволяю себе воспользоваться случаем поздравить профессора Ширяева с этим трогательным выражением его популярности, которую нельзя не признать вполне заслуженной.

Изложив материал анкеты, мы можем закончить его довольно сенсационным сообщением: редакция газеты, как сказано выше, умеренно правой и непрережденческой, проявила много

менее гражданского мужества, чем в свое время редакция “Посева” и просто не решилась опубликовать результаты проведенного ею опроса, из которых нельзя было бы не сделать недвусмысленных выводов. Мы получили сводку ответов от одного из сотрудников “Нашего Пути”, на ответственности которого лежала обработка результатов анкеты, как и выработка текста вопросов, с любезным разрешением воспользоваться этим материалом, как мы найдем лучше.

Полагаем, что самое целесообразное будет опубликовать его на страницах “Нашей Страны”, где с ним легко сможет познакомиться русская, а отчасти и иностранная общественность. В нем есть над чем призадуматься.

Скажем еще от себя, что на наш взгляд всякая статистика этого рода, все равно собирается ли она “Посевом”, “Нашим Путем” или какой-либо иной газетой или организацией может быть очень ценной и полезной.

Владимир Рудинский

“НАША СТРАНА” существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит труды материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

Глеб Томчлин

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

—Оккультист, — сказал отец Петр лаконически.

—Оккультист? — презрительно повторил генерал Буланин, — это вот из тех, кто занимается столоверчением? Духов вызываете? Так вот, — если вы не станете отвечать толком, я из вас вашего духа вышибу вон. Поняли?

—Все эти рукописи — тибетские, — сказал отец Петр. — Я, в частности, изучаю и восточную медицину. Больше мне вам сказать нечего.

—А деньги у тебя откуда? — взревел генерал Буланин.

—Ну это вас не касается.

—А вот я тебя сейчас этой головней коснусь, — сказал генерал Буланин, вынимая из кофра горящую хворостину, — станешь тогда говорить толком.

Отец Петр довольно спокойно пожал плечами:

—Я госпредставитель оккультиста, — сказал он, — но мне все таки видно: жить вам осталось очень немного — гораздо меньше, чем мне. Так что и ваша головня вам ничего не поможет.

У генерала Буланина было очень острое желание заставить этого оккультиста говорить всерьез. Но по дороге к реализации этого желания торчали два китайца. Во-первых, если отец Петр действительно был советским агентом, то китайцы, как какие то агенты МВД, могли об этом знать и, может быть, имели даже и какие то задания. Во-вторых, генерал Буланин никак не мог точно вспомнить, видал ли огромный китайец пачку кредиток, переложенную

Буланиным из бумажника отца Петра в свой карман — или не видал. Если видал, то, может быть, никакие инструкции МВД не помогут ничему — китайец предпочтет иметь при себе наличные деньги отца Петра, а после себя — труп генерала Буланина.

Генерал Буланин чувствовал, что он начинает нервничать. Вот сейчас, в течение, может быть, нескольких минут или секунд нужно решить вопрос, от которого, может быть, будет зависеть вся его дальнейшая судьба. Но, во всяком случае и при любых планах китайцев нужно ликвидировать: они, во-первых, уже ни к чему, и они, во-вторых, могут быть опасными с самых разных точек зрения...

Генерал Буланин положил обратно в кофр все еще горящую хворостину, потом снова постарался от нее отделиться, закурив от нее очередную папироску. Папироска нехотью успокоила генерала Буланина. Он, по мере возможности незаметно осмотрел место привала и постарался оценить личную обстановку.

Отец Петр подлежал, связанный так, что и в самом деле не мог и пальцем пошевелить. Огромный китайец сидел на своем спинном мешке, поставив свою берданку между колен и туго смотрав куда-то в пространство, или, может быть, только делал вид, что смотрит. Молодой китайец встал в стороне от привала. У него было довольно живое и беспокойное лицо и на этом лице генерал Буланин все таки мог прочесть нечто вроде упреждения. И, кроме того, молодой китайец держал свою берданку не между коленя-

ми, а на коленях и ствол этой берданки был направлен в сторону генерала Буланина. Можно было бы сказать, что генерал Буланин находится почти под прицелом. За всем этим где-то, но совершенно неизвестно, где именно, маячил второй спутник этого пустосвята или оккультиста, вот тот, конь которого торчит тут же. Этот спутник мог явиться в любой момент и, увидя связанного пустосвята, стал бы, конечно, стрелять сразу же, не сжидая никаких разъяснений. Стоило бы, конечно, слезать иначе: перебраться в другое место, захватив с собою и пустосвята и его коней, не зажигая костра, — это дало бы, хотя и небольшую, но все таки хоть какую то гарантию против появления неизвестного спутника.

От этого пустосвята нужно было во всяком случае выпытать все. Генерал Буланин был вполне в курсе самых современных методов допроса, применявшихся в МВД, но для этих методов нужно было все таки время. А время было фактором, не поддающимся никакому учету: неизвестный спутник пустосвята или оккультиста, или агента, мог появиться через день, но мог появиться и через минуту. В том, что он стал бы стрелять сразу же, у генерала Буланина не было никаких сомнений. Не было никаких сомнений и в том, что в этом случае поточение и его самого и его китайцев было бы совершенно безнадежным.

Мысли у генерала Буланина неслабо стремились, но несколько пусто. Было ясно только одно: эту невероятную ситуацию в тайге нужно использовать во что бы то ни стало. Она решала почти все проблемы. Она давала деньги, коней, проловотствие, и может быть, полную индифференцию ко все то, что генерал Буланин проделывал в эмиграции и в СССР. Но — по поводу этой индифференции —

оставался все таки тревожный вопрос: а вдруг этот пустосвят и в самом деле какой то оккультист, и что его книги — просто оккультные книги. Мало ли сумасшедших болтаются по миру? Генерал Буланин попытался вспомнить все то, что он читал или слышал об оккультизме. Воспоминания оказались очень бледными. Когда-то генерал Буланин читал Блаватскую и даже Папюса, слышал что то о Гермесе Трисмегисте и об учении Великих Орканов, но все это было очень неопределенно. Если пустосвят не знал даже и этого, — значит, он, конечно, агент МВД. Но если он и знал все это, то и тут никаких выводов сделать было нельзя. Чрезвычайно возможно, что пустосвят был отправлен агентом в Тибет, а такие агенты проходят очень специальную подготовку, до богословской включительно. Конечно, если МВД слало своего человека, то оно уж позаботилось о его специальной подготовке. Генерал Буланин вспомнил, как его самого только что натаскивали по всякой конклаговой премудрости. Да, эти умеют работать... И, кроме всего того, — откуда у отшельника и оккультиста могут быть такие деньги, да еще и в валюте? Нет, конечно, агент. Его книги и манускрипты могут быть и в самом деле оккультными. Но в них все таки может быть и шифр: одно другому не мешает. А там в какомнибудь штабе — пусть уж сами разбираются...

Генерал Буланин подумал о том, что деньги то во всяком случае нужно прибрать к своим рукам. И что нужно действовать по-кавалерийски: быстрота и натиск; промедление времени смерти безвозвратной подобно. Нужно срочно ликвидировать китайцев, несколько минут пожертвовать для специального разговора с пустосвятом, снова навьючить коней и двинуться дальше самостоятельно. Впрочем, по-

JUAN SOLONEWITSCH

TERCERA GUERRA MUNDIAL DURARA TRES MESES

Dos tendencias — Incidentes — Exploración psicológica — Principio de la guerra — Primeros días — Improvisación — En la mitad de la guerra — Fin de la guerra.

(Continuación)

Los dos grupos diferían en sus puntos de vista sobre esta guerra. Si el grupo de "Pearl Harbour" consideraba a la tercera guerra como el encuentro de dos mundos, el occidental y el oriental, el grupo de "Normandía" estaba de acuerdo con el punto de vista de Mr. W. Karrol, es decir que la concebía como el encuentro de dos ideas, donde las consideraciones geográficas y nacionales quedaban relegadas a segundo término.

Por eso el grupo de "Pearl Harbour" prestaba su atención a la parte técnica de la guerra y el de "Normandía" a su psicología. Finalmente se llegó a un acuerdo, conciliando ambas ideas. Sin reducir el ritmo de su preparación técnica para la guerra, la U.S.A. comenzó también su preparación psicológica siguiendo el lema del citado Mr. Karrol: "necesitamos rusos para vencer a los rusos". Entre los refugiados políticos escapados de la U.R.S.S. fueron formadas ocho divisiones y un Estado Mayor Ruso, y ubicados en Alemania y Austria. Los americanos suspendieron su propaganda sobre los adelantos y comodidades de que gozaban los ciudadanos de la U.S.A., lo que no tuvo ninguna influencia desfavorable sobre el pueblo y ejército de la Unión Soviética, pues éstos estaban enterrados perfectamente bien de todo, sin necesidad de propagnada. Consecuentemente la "preparación psicológica de la guerra" tomó la siguiente forma definitiva: "Nosotros,

los pueblos libres del mundo, no queremos nada del pueblo ruso. Combatimos solamente contra el comunismo, quien imposibilita vuestra vida y la nuestra. Ayudaremos a Vds. a librarse de la tiranía del Kremlin, bien entendido que luego serán Vds. los que organicen sus cosas. Lo único que pensamos agregar a nuestro programa, es ayudar al rápido restablecimiento económico y saneamiento político de los países subyugados por el comunismo".

El incidente.

Esta política provocó una seria intranquilidad en Moscú, desde donde inmediatamente fueron despachadas notas diplomáticas a los gobiernos de los países libres. La contestación a estas notas fué clara y terminante: "se trata de divisiones de voluntarios y están destinadas al mantenimiento del orden. Además se han formado sobre las mismas bases y principios que los cuerpos de voluntarios rojos en Corea". Y con referencia a las organizaciones políticas de los emigrantes rusos, contestaron que era un asunto de índole netamente particular, sumamente común en los países libres.

Ni las notas ni sus contestaciones produjeron calma alguna en los problemas internacionales. Los historiadores actuales, hasta ahora no pueden establecer con exactitud quién y cómo comenzó la Tercera

ка эти китайцы не ликвидированы, пусть выючат они. Генерал Буланин спрятал в свой боковой карман найденную у отца Петра наличность и приказал огромному китайцу привести в порядок выюки. Тот положил берданку на свой спинной мешок и молча повиновался. Молодой китаец смотрел все так же увлеченно и все так же держал свою берданку почти на прицеле. Генерал Буланин подобрал лежавшую на земле винтовку отца Петра и пока огромный китаец выючил коней, тщательно всматривался в тайгу: не вынырнет ли откуда неизвестный спутник пустосвята? Отец Петр лежал неподвижно, и думал о том, что его дела и в самом деле очень плохи.

По той жалости, с которой генерал Буланин схватился за деньги, отец Петр понял, что теория сотрудничества этого человека со Светловым не выдерживает никакой психологической критики. Это какой то авантюрист, озлобленный и беспощадный, повиллимому, рискующий всем и безусловно готовый на все. Но почему он направляется на еремеевскую заимку? Впрочем, для теоретических соображений у отца Петра не было ни желания, ни времени. Огромный китаец быстро и умело навьючивал коней. Очевидно, таинственный русский собирается спешно двигаться дальше и было довольно очевидно, что ни брать с собою, ни оставлять здесь отца Петра он не станет.

Отец Петр понял, что ему нужно, как говорится, считать последние ми-

нуты своей жизни: на помощь Степки надежды не было почти никакой, на чью либо иную помощь не было вообще никакой надежды. Конеч. И очень может быть, что окончательный конец: дыра, нуль, ничто. Блажен, кто верует. Сейчас в эти последние минуты отец Петр не находил никакого утешения ни в теории переселения душ, ни в nirване, ни в гегелевской "душной бесконечности". — вообще ни в чем. Рефовал ли во что либо он, отец Петр? Даже и в последние минуты никакого ответа на этот вопрос не было.

Огромный китаец кончил навьючивать коней. Привычным движением взвалил себе на спину свой, очевидно, очень тяжелый мешок и стал застегивать полужку ремня. Отец Петр не без некоторого удивления отметил, что, вместо последних минут, он почему то интересуется проблемой пряжки и китайца. Но этот интерес был прерван сухим пистолетным выстрелом. Дальнейшие после выстрела события развернулись с молниеносной быстротой.

Генерал Буланин, увидев момент, когда огромный китаец возился со своим спинным мешком, осторожно оточел от линии прицела берданку молодого китайца, стал перекладывать что то из кармана в карман и перекладывая, выхватил пистолет. Прежде, чем молодой китаец успел схватиться за свою берданку, генерал Буланин успел выпустить две пули. Но старой привычки руски и прицела у генерала Буланина уже не было: моло-

Р Э З Ы С К И

Разыскиваю сына Владимира Петровича БАБУШКИНА из Югославии. Прошу всех, имеющих о нем сведения, сообщить по адресу:

Eng-o Constantin Wasjutin
(A. D. K.)
Caixa Postal 1322,
Sao Paulo, Brasil

Николай Николаевич ЛОГВИНОВ разыскивает Бориса Сергеевича СОКОЛОВА. Сообщить по адресу:

Mr. N. Logvinoff
7, Rue Lavigerie, Tunis, Tunisie
Afrique du Nord

Анна Михайловна ЛОБАНОВА (урожд. Подковырина) разыскивает своего брата Михаила Михайловича ПОДКОВЫРИНА. Лиц, чтонибудь знающих о нем, прошу сообщить по адресу:

Mr. A. Diakonoff,
44, Jeffery St., Milsons Pt.,
Sydney N. S. W., Australia

Сын Костя разыскивает отца Николая Николаевича ГАБРИЛОВИЧА из Симферополя. Крым. После войны находился в Германии, Мюнхен. Лиц, знающих о нем, прошу писать:

S. Chatkovski,
Sandy Lane, Oxton, Notts,
England

Guerra Mundial, de la misma manera que los historiadores Alemanes y Aliados no han encontrado hasta la fecha las causas de la iniciación de la Primera y Segunda Guerra Mundial.

La variante más cercana a la realidad histórica parece ser la siguiente:

(Continuará)

дой китаец, визжа и дрыгаясь, покатился по земле. Огромный китаец, очевидно, сразу же сообразив, что с берданкой он не успеет предпринять ничего, и что спинной мешок достаточно запищит его тыл, схватил с земли берданку и огромным тигровым прыжком бросился в тайгу, вниз, в обрыв, слева от тропы. Генерал Буланин выпустил вслед ему еще три пули. Снизу доносился треск ломающихся веток и валежника, грохот сорванных с их вековых мест камней. Какой то неопределенный шум — то ли от скатывшегося тела, то ли от скачков китайца. Генерал Буланин полбежал к обрыву над тропой, пострел вниз сквозь ветки и потом с ругательством вернулся.

Отцу Петру было очевидно, что огромный китаец успел спастись. Генерал Буланин еще высунулся над обрывом, треск ветвей и грохот камней ушел еще дальше и скоро совсем затих. Генерал Буланин повторил свое ругательство и снова вернулся к пентру стоянки. Молодой китаец все еще держался. Генерал Буланин полнял было свой пистолет, но передумал и, достав из кармана револьвер еще так незаметно болтавшийся в рукаве отца Петра, довольно хладнокровно выпустил в голову молодого китайца еще две пули. Молодой китаец затих окончательно.

Генерал Буланин положил револьвер обратно в карман, провед рукой по лбу и осмотрелся кругом. Пока что все шло, более или менее благополучно, кроме, конечно, сбежавшего

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:**

Paraguay: Tjonovich, Calle Montevideo
496 — Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657
Bras. Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa
Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Pa-
din 2128 (por Beaucheff altura 1705),
Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 2765 1/2 Mac Allister
str., San Francisco 18, Calif.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str.,
New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. G. Malysheff, 1530 W 7 Ave. Van-
couver B. C.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Th. Seuberlich,
Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama",
27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine,
Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Sla-
ve — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo
AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon. Popoff, 273, Ave Ferdowsi,
Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buran-
da, Brisbane.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str.,
Fitzroy, Adelaide.

Polyglot, Bookshop, 182 George Str.,
East Melbourne, Vic.

Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts,
46 Victoria Str., Potts Points, Sydney,
N. S. W.

"НАША СТРАНА"

в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашневич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Василькоти, при церкви на ав. Альвар.

"НАША СТРАНА" — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

китайца, который мог где то устроить засаду, — хотя по соображениям генерала Буланина это было трудно: китаец сбежал совсем не в ту сторону, куда вела тропа. Кроме того, он генерал Буланин, будет двигаться верхом. Нет, ни догнать, ни тем более перегнать, китаец не успеет. Но само собою разумеется, что нужно поточапливаться. К неизвестному спутнику отца Петра прибавился еще китаец. Нет, нужно было торопиться.

(Продолжение следует).